

Курганы

(Рассказ)

Всю неделю шел дождь. Заречная сторона была завешена серым дымящимся пологом, и трудно было угадать, что творится на том берегу.

Утром встало солнце, противоположный берег засверкал свежей травой, подросшей за эти теплые дожди. И в той траве по-особому стали светиться толстые сосновые бревна, ошкуренные плотниками для колхозного зерносклада.

Заречная сторона имела особую власть над деревенской пацанвой, манила крутыми горками, ягодными полянами, зарослями терна, малины на старой брошенной усадьбе, обозначенной одним лишь фундаментом из белого дикого камня.

Время ягод еще не пришло. Клубника была в цвету, в ее лепестках усердно возились шмели и пчелы, отыскивая свой нектар. Кроме шавеля, нечего было и взять на заречной стороне. И все же Павлу Заварзину, исконному жителю Городища, не чаялось слетать на тот берег. К тому же приятель Сеня Шумаков принес удивительную весть: там, за рекой, у холмов, нежданно — негаданно появилась огромная палатка. Кто? Зачем? И откуда?

Все дни, пока лил дождь, Заварзин неотступно думал об этой палатке. Может, солдаты приехали на учения? А может быть, как в позапрошлом году опять мелиораторы? Заварзину запомнился их голубой вагончик и лозунг над ним: "Даешь Нечерноземье!" Заварзин так и не понял, кто, что и кому должен дать. Мелиораторов они видели разве только у сельмага да в клубе. А осенью, с холодами, те подцепили свой вагончик к трактору и отбыли неизвестно куда. Потому и не терпелось смотаться на тот берег, разведать, что же там такое, в той загадочной палатке?

...Мать наказала присматривать за гусями. Павел согнал их к реке и тотчас рванул к Шумакову. Мать купила на лето сандалии, но жаль было губить их по этой грязи, и он скинул их, засунул под ремень.

— Айда на ту сторону! — крикнул он с порога Шумакову.

Тот словно ждал его, схватил кусок хлеба, пару луковиц — и за дверь.

На мосту их обогнал трактор с бочкой — развозил по полям жидкие удобрения. Мост через Десну — временный, каждый раз перед паводком разбирают, потом сызнова наводят. Прямо по воде стелется деревянный мост. "Беларусь" прошел, бревна захлюпали, зачавкали сквозь настил просочилась речная вода, охолодив голые пятки.

— Ни дна тебе, ни крыши! — выругался Заварзин в адрес тракториста Леша Жехова, картинно восседавшего за рулем "Беларуси", стрельнувшего в окно сигаретой, чуть было не попавшей Павлу в глаз.

"Беларусь" ходко пробежал по мосту, уже собирался выскочить на ту сторону, да не тут — то было. На самом выезде трактор пополз вниз. Отбросив дверцу, Леша Жехов с остервенением смотрел на бочку, что тащила его к реке. "Так тебе, пижон, и надо!" — незло подумал Заварзин.

Они постояли, посмотрели на маневры тракториста, силившегося забраться наверх.

— Влип! — сказал Заварзин, оглядываясь с береговой кручи на трактор.

— Как пить дать! — подтвердил Шумаков.

Они еще малость поглазели и побежали дальше. В грудь бился вольный ветер. Тут, на открытом месте, ничто не мешало ему. Он шевелил верхушками конского шавеля, закидывал к земле, стелил по ней бело-розовые головки клеверов.

Хорошо было на воле. Рубахи пузырились, как паруса, шумно, весело хлопали на ветру.

— Скоро сенокос! — крикнул радостно Павлик.

— Угу! — отозвался Сеня.

Лето только начиналось, и лучшие дни маячили где-то там, у зеленых холмов, куда во весь дух мчались они.

За всю дорогу они ни словом не обмолвились о том главном, что погнало их сюда, о той палатке, что виднелась уже впереди.

Палатка, поставленная у подножия холма, действительно была большой, защитного цвета, как у военных. Рядом такой же хитрой окраски вездеход. С передними и задними ведущими. В стороне от него на холме копошились люди. "Хоть и в гражданском, но это, видимо, так, для маскировки. А на самом деле настоящие военные", — предположил Павел. Чего-то необычного, таинственного хотелось ему. Военные, военные... Другим здесь что делать? Хотя как знать!

Холм вот уже рядом. И Павла вдруг взяла оторопь. Кто, собственно, звал их сюда? Чего они здесь, у холма, позабыли? У людей работа. Быть может, даже тайна какая. А они — здрасте вам — приперлись. "Уж не повернуть ли оглобли назад, пока не поздно?" — подумал Заварзин, садясь на траву. И те, на холме, правильно поймут. Просто, мол, забегались в поле ребята и случайно выскочили сюда, куда, быть может, и не след заявляться.

Но их уже заметили с холма, стали пристально всматриваться. Высокий человек стал спускаться к ним. Обоим стало ясно: предстоит объяснение. И они, став как вкопанные, не спускали глаз с приближающегося рослого человека. Что он сделает с ними? Турнет прочь? Или схватит, посадит в машину и отвезет куда — нибудь для выяснения личности?

Незнакомец тем временем приближался. Он был в берете, сапогах. Лицо у этого высокого загорелого человека было строгим, пытливым.

— Привет, славяне! — так вот неожиданно поздоровался он и неизвестно почему показался Заварзину главным среди тех, кто был здесь, у холма.

Незнакомец продолжал пристально, пытливо вглядываться в них.

— Что, корова язык отжевала? — насмешливо уточнил он.

Они несмело отозвались на приветствие.

— Э, да какие же вы робкие! — изумился он. — С такими непременно пропадешь. Ну да ладно, давайте знакомиться. Костров Федор Константинович, начальник экспедиции.

"Значит, не ошибся", — радостно подумал Павел, пожимая жилистую, загорелую руку начальника.

— А я — Заварзин! — представился он.

— Рад. Весьма рад! — Начальник экспедиции почтительно наклонил голову.

— Шумаков Семен Андреевич! — отрекомендовался Сеня и крепко, решительно потряс руку начальника.

— Шумаков? — переспросил Костров, словно припоминая что-то, словно собираясь сообщить ему нечто особое. — Шу-ма-ков... Очень даже интересно!

Чего там интересного? Заварзин ревностно посмотрел на своего друга. У них чуть ли не полдеревни Шумаковых. То ли дело Заварзин! Фамилия, может, единственная на весь район.

— Шумаков! — как-то звучно повторил начальник. — А ты знаешь, что стоит за твоей фамилией? Откуда, так сказать, пошла она? Не знаешь, да? Как же ты так, брат! Нехорошо это, нехорошо... Ну да ладно, на первый раз, как говорится, прощается. Так вот, в былые времена на Русь-матушку нашу с разных сторон набеги совершались. И с севера, и, как сам понимаешь, с юга. Так вот, чтобы вовремя усмотреть приближение коварного врага и затем

шумнуть об этом людям, и ставились сторожевые вышки. Ну а те, кто нес службу на этих вышках, подавали важные сигналы и звались "шумаками". Отсюда, надо полагать, и пошли Шумаковы.

Павел покосился на приятеля. Того прямо — таки распирало от гордости. Он словно бы ростом стал выше.

Заварзин хотел было выяснить у Кострова историю происхождения своей фамилии, но тут снова возник Шумаков.

— Скажите, а кто вы и что здесь делаете?

— Мы — то! — Костров обернулся к холму, где возились его товарищи. — Мы — то, брат, археологи. Наверное, слышали о таких? Одним словом, раскопки ведем. Вот видишь курган. Гора земли. А что под этой горой? Разве не интересно узнать? Конечно же, интересно. Потому и копаем.

— Это, значит, вы клады ищете? — восторженно воскликнул Заварзин.

— Вот именно! — подтвердил Костров.

— И нашли что — либо? — вновь загорелся Павел.

— Да есть кое — что, — уклончиво ответил начальник экспедиции.

"Видать, золото, не иначе, — подумал Заварзин, — за меньшим они в такую даль вряд ли бы покатали".

— Впрочем, если это вам интересно... — Костров жестом пригласил их следовать за ним.

По узкой тропинке они поднялись па вершину холма. "Надо же, сколько раз мотались сюда за щавелем, клубникой, а не знали, что под ногами настоящий клад", — думал в растерянности Павел.

Начальник, словно догадавшись о его мыслях, неожиданно улыбнулся.

— А вот и мои товарищи! — сказал он, останавливаясь на краю бруствера, аккуратно выложенного свежей глиной. Внизу, в квадратной яме, осторожно, будто это и не глина, а нечто хрупкое, драгоценное, водили лопатами трое парней. Все трое были раздеты до пояса, и спины у всех троих были черны. Прямо — таки смоляные. "И когда они только успели загореть? — завистливо подумал Заварзин. — Вроде бы и солнце особо не пекло".

Парням было лет по двадцать с небольшим, но бороды делали их старше. То ли действительно парней увлекла работа, то ли делали вид, но на Павла с Сеней бородачи не обратили внимания. Будто их и вовсе не было. Заварзин хотел было обидеться, но вспомнил про клад.

Квадратная яма, где гладили лопатками глину здоровые парни, узкой траншеей соединялась с другой полукруглой ямой. Сеня многозначительно посмотрел на Павла, но тот лишь пожал плечами. И действительно, чему тут удивляться! Яма как яма. С той лишь разницей, что на дне одной возились с лопатками бородатые парни, а под стенами другой сидело пятеро девчат в спортивных брюках, майках — безрукавках. Ни дать, ни взять волейболистки из их местного "Урожая". Заварзин даже вначале подумал, что это они самые, настолько двое из них были похожи на знакомых ему колхозных девчат.

А вообще — то, ничего интересного они в тех ямах не увидели. Ни золота, ни серебра. И Заварзин сразу же заскучал.

— Вот так и раскапываем другие века, — усмехнулся Костров, наклонив голову, как бы погружаясь мыслью и взглядом в толщу земли.

Начальник экспедиции, быть может, хотел услышать слова восхищения. Но чем, собственно, восхищаться? Заварзин нахмурился. Он словно бы почувствовал себя обманутым. Глаза у Шумакова тоже побегали — побегали, но так ни за что и не зацепились.

— Понимаю, понимаю ваше нетерпение, — кашлянул Костров и повел их к палатке.

Сбоку от нее, на кольях, был натянут тент и под ним виднелась горка

каких — то таинственных, диковинных вещей. "Никак кувшины да кубышки с золотом", — снова заволновался Павел.

Однако желто — серые горшки и кувшины были совершенно пусты. В них кто — то уже успел похозяйничать, а затем, будто со злости, порушил. Ни одного целого кувшина! У одного отбито горло, у другого высажено дно, а от третьего остались лишь черепушки.

Павел скис. У Кострова же глаза прямо — таки засияли — засветились.

— Очень ценная находка! — сказал восхищенно он, обводя рукой все, что лежало у их ног.

Шутит он, что ли? Павел стрельнул глазами на Кострова.

Нет, лицо того было серьезным. Или, быть может, они круглые дураки? Но что здесь может быть ценного? Заварзин еще раз внимательно осмотрел черепки.

— Все это мы нашли на месте древнего поселения, — пояснил Костров. — Очень, очень древнего. Как подумаешь, сколько веков отделяет нас от них, прямо — таки голова идет кругом.

Костров зажмурил глаза, будто у него и впрямь закружилась голова, а потом, когда открыл глаза, Павел удивился, какие же они у него синие. И он снова проникся добрым чувством к начальнику экспедиции и к тому делу, которым занимался тот. Разве его вина, что не удалось найти им золота — серебра? Кому — то и пустые горшки приходится собирать.

— А знаете, славяне, — воскликнул весело Костров, — почему деревня ваша Городищем зовется?

"Ясно почему, — подумал Заварзин, — да потому что дали их деревне такое имя".

— Не знаете, да! — торжествующе сказал Костров. — Эх вы! Учтите, последний раз прощаю. Городище — значит город большой, большущий. Конечно, в понимании наших праотцев.

— А как интересно звали их? — вклинился Шумаков, который по — прежнему чувствовал себя именинником.

"Действительно, как звали их? — Заварзин испытующе посмотрел на Кострова. — Если такой всезнающий — ответь!"

— Как звали их?.. — Начальник экспедиции задумался. Вопрос, видимо, оказался для него неожиданным. И требовалось время, чтобы дать верный ответ. Он пристально окинул лежавшую внизу луговину, где под ветром качались ромашки, сочные стебли аниса, крепкие, рослые стебли конского щавеля, затем перевел взгляд на небо, где неожиданно приметил высоко парящего коршуна и улыбнулся, как бы враз просветлел лицом.

— Как звали их? — повторил он неслышно. — Да, возможно, и родимичи!

— Родимичи? — удивленно переспросил Павел и ощутил непонятный радостно — тревожный толчок в грудь, словно бы кто — то нечаянно забытый напомнил о себе.

— Родимичи! — утвердительно ответил Костров. — Да, да, родимичи! Были на земле такие древние люди. Наша далекая родня, что затеплила огонек жизни, с тем, чтобы затем передать его нам...

"Как же все — таки давно это было!" — страшно — сладостно содрогнулась душа Заварзина. Он попытался представить себе то далекое, глубинное время — и не мог! Его мысль, словно потерявшее сцепление колесо "Беларуси" Леши Жехова, крутилась на месте.

Заварзин, пытаясь унять волнение, присел на корточки, чтобы получше рассмотреть черепки и черепочки, пришедшие к ним от неведомых родичей — родимичей.

— Тоже невидаль, скажете вы, — слышался между тем голос Кострова. —

Подумаешь, горшки! А ведь представьте — невидаль! Это нам с вами все кажется смешным и простым до чертиков. А сколько трудов стоило им изготовить вот этот горшок! Постарайтесь хорошенько запомнить его, — наставительно заметил Костров. — С него началось многое. Очень многое. Если хорошенько подумать, без этого горшка не было бы мартеновской печи и космической ракеты. Так — то. С него — то, с этого горшка, очень многое началось.

Заварзин вглядывался в черепки, надеялся разглядеть на древнем куске глины какой — либо рисунок, но никакого рисунка не было. "Надо же — тысячи лет", — думал завороченно он, вновь испытав жутковато — сладостное чувство. На какую — то крохотную долю, на какой — то моржок что — то распахнулось перед ним, но тут же и сокрылось. Он ощутил причастность к великой тайне, которая неожиданно и властно взяла в полон его душу.

Павел встал, внимательно окинул всю землю окрест, холмы — курганы, что легкой, зыбкой линией шли вдоль горизонта. В небе стояло солнце. Поле играло веселыми, летними красками. Синее мешалось с зеленым, красное с голубым. Шумен и весел был июньский мир! Но Заварзина занимало сейчас иное — влажные, изъятые из глубин земли бурые черепки. Странны и диковинны были осколки древних веков, свидетели иных дней, других жизней. Он старался попятить, какая все же связь между молчаливыми, холодными, влажными черепками и их пестрым, гудящим, жарким днем? Он усиленно морщил лоб... Оказывается, не так — то просто установить эту связь.

Тут из высокой травы в самую середину черенка стрельнул большой зеленый кузнечик. Осмотрелся. Нетерпеливо подергал коленками, готовясь к очередному прыжку. Павел во все глаза глядел на кузнечика. Отгадка была где — то близко. Она начинала уже потихоньку толкаться в висок. Казалось, большой зеленый кузнечик причастен к этой разгадке. И поэтому Павел не сводил с него глаз. Кузнечик словно бы манил, дразнил его. И вот отчаянно стрельнул в густую траву.

Павел прицелился, пал грудью, торжествуя глядя на удивленного начальника экспедиции и Шумакова.

Но кузнечик выпрыгнул из — под самого носа и, совершив изрядную дугу, присел чуть ли не у самых клеверов, растворившись в яркой веселой зелени. Надо было во что бы то ни стало изловить, поймать беглеца, который, как это ни казалось странным, каким — то, пока еще непонятным образом соединял те, казавшиеся поначалу несоединимыми половины большой и важной тайны.

Мальчик с парусом за спиной

Сделать парус оказалось просто. Мальчик положил крест — накрест лыжные палки, перевязал их посередине, натянув на концы старую простыню. Он поставил парус за спину, раскинул руки, даже зажмурил глаза, ожидая, что ветер тотчас подхватит его и понесет по огородам далеко в поле. Но ветер лишь слабо давил на простыню, и она лениво выгибалась за спиной. Мальчик переминался с ноги на ногу. Он был нетерпелив, как нетерпеливы все мальчишки.

Над домом застучал мотором зеленый двухкрылый самолет. Его сизая тень легла на снег. Лыжи под самолетом были тяжелы и толсты — будто самолет тащил в когтях двух сытых поросят. Мальчик хвастливо подумал, что если ветер подует сильнее, — он обгонит этот самолет. «Нужно в поле, за деревню, — торопливо решил он, — Там ветру вольнее».

Но и в поле ветра было мало. И мальчик огорчился. Но тут парус мягко приподняло над головой и упруго рвануло.

Мальчик тотчас повернулся спиной к ветру, присел, откинувшись всем телом на парус, и заскользил по февральскому, жесткому, кап наждак, снегу. Лыжи неслись все быстрее и быстрее.

Но счастье длилось недолго. Лыжи снова пошли вяло, видимо, ветер прошел всей своей силой по верху, и, наконец, стали, словно приросли к снегу. Но мальчик был возбужден быстрой ездой. И, радостно крича, прихлопывая задниками самодельных лыж, он бежал дальше, увлекая за собой парус. Он был сейчас как бы продолжением ветра.

— А — а... У — а — а, — кричал мальчик, надрывая голос, и громко смеялся.

В поле было просторно и бело от чистого снега. Мальчик кружился по полю, меняя направление. Он то бежал, держа свой парус под углом, то разворачивался навстречу ветру, и тогда парус, похлопывая, рвался из рук воздушным змеем.

Мальчик всякий раз добегал до конца поля, где оно обрывалось к узкой речке. Ему хотелось, чтобы ветер толкнул его в спину, чтобы он сразу перелетел через этот обрыв. Страшно и сладко было думать об этом. Мальчик хватался за жиденькие ветки коричневого куста и боязливо озирался. Не подслушал ли ветер? И он скорее бежал вверх, таща за собой парус. И снова сумасшедше бежал по полю, ловя старой простыней ветер, и снова, как бы невзначай, заезжал на край поля, чтобы, страшась, опять заглянуть в глубину обрыва.

Весь день на виду у деревни носился по полю мальчик с парусом за спиной. И взрослые, наблюдая за ним, говорили завистливо: «Ишь, до чего додумался, пострел». Но мальчик не слышал разговоров. Ему было хорошо одному на быстрых лыжах.

— А — а... У — а — а, — захлебываясь от восторга, кричал мальчик и мчался вперед, зажмурив глаза от солнца и снега.

Паровоз

—Мам, а мам, возьми на станцию, — канючил каждое утро Андрей.

Хорошо, хорошо,— торопливо обещала мать, сердясь и на себя, и на сына за его назойливость.

Разъезд Лопатино был недалеко от деревни со странным названием Чемоданово — километрах в шести, но она все никак не могла выбрать время, чтобы вместе с сыном сходить туда, показать, как обещала ему, паровоз.

Хотя в школе были каникулы и она, глиняная, кривобокая, стояла на замке в глухих лопухах, дел у учительницы не убавилось. Поднималась она вместе с деревенскими женщинами и, наскоро причесавшись у осколка зеркала, завесив единственное окошко своей мазанки старым пальто, чтобы мухи не мешали сыну спать, бежала в бригаду.

За два года, пока эвакуированная жила здесь, она научилась и полоть, и жать, и молотить. Ходила босой, сверкая коричневыми пятками, и ее трудно было отличить от колхозниц.

В июле выдалось несколько свободных дней. Женщины, разделавшись с прополкой и сенокосом, занялись своим хозяйством. Учительница тоже замесила глину, подлатала стены своей мазанки.

Домишко ее стоял на краю деревни, рядом с оврагом. Весной по дну оврага волк утащил ягненка. Деревенские, собравшись на обрыве, кричали, пугали волка, но он крупным наметанным шагом, даже не оглянувшись, деловито стегал по ярко — желтой весенней глине.

Жила эвакуированная учительница вдвоем с сыном и козой Милкой, купленной тут же в деревне. Коза была комолой, но прославилась на всю деревню тем, что однажды слизала свой удой. Хозяйка поставила банку с молоком на лавку, забегалась по делам, а Милка тем временем слизала молоко.

Зимой Милка жила за печкой в отгороженном плетушками закутке. Андрюша с печки следил за Милкой, боясь прозевать тот час, когда она должна окотиться. Все же он проспал. Милка окотилась ночью. Он хныкал от обиды, но мать поставила перед ним миску зеленоватого молозива. И он перестал плакать и ел его, догадываясь, что теперь у них будет молоко...

— Ну вот, сынок, завтра пойдем на станцию,— сказала, наконец, мать.

Вечером она нагрела в большом чугуне воды и стала отмывать сыну ноги. Андрей подвывал: «Ой — ей — ей». «Цып — цып — цып,— приговаривала мать,— цып — цып — цып». И он затих, готовый вынести все, лишь бы мать не передумала взять его на станцию.

Забравшись на печку, затихнув, он думал о паровозе. Какой он? Какая труба у него? Какие колеса? Мать говорила, что он гудит. Он тоже раз слышал, как кто — то долго и длинно кричал за лесом: гуууууууу... Но если это он, то тогда он должен быть большим. Как дом! Или как если дом поставить на дом? Или как дом поставить на дом и еще дом?

Мам, а какой паровоз?

Увидишь!

Утром встали рано и пошлигна станцию. Дорогу до трех раки, что стояли на другом конце деревни, возле избы Паши Хромой, он знал, но дальше ему не приходилось бывать: ругалась мать. Ребята смальывали его в поле за подсолнухами, и он уже хотел было пойти с ними, но ребят поймал председатель и потом водил и срамил их по деревне с подсолнухами.

— Не утомился, сынок? — спросила мать, когда они взошли на горку. И сердце у него начало прыгать в горле.—Тут теперь недалеко. Вон видишь крыши. Это и есть

станция!

Андрюша обрадовался. Сейчас он увидит его. И торопливо зашагал по дороге, которая вдруг сразу стала шире, не как в поле.

— Да ты не крути головой,— сказала мать, когда он споткнулся о камень,—паровоз на станции стоит. На улице ему делать нечего.— И тут Андрюша понял, что это еще не станция, что станция дальше, где столбы и провода. Он видел в книжке у матери, что паровоз идет мимо столбов и проводов. И еще он вспомнил, что там должны быть рельсы.

Мать говорила, что он ходит по рельсам.

На станции никого не было. И станции тоже никакой не было. Были столбы, провода и были рельсы. Рельсы были блестящими.

Мам, где паровоз?

А вон, сынок!

Андрюша глянул туда, куда показала мать, и вздрогнул: паровоз был черным и коротким. И он почему — то не ехал.

— Ну, пойдём, пойдём, — говорила мать. — Чего испугался?

«Почему он стоит?» — думал встревожено Андрюша.

— Ну что ты, глупый, встал, как вкопанный. Ну идем. Видишь, дядя не боится.

Рядом с паровозом спал на грязной траве человек.

— Давай подойдём ближе,— сказала мать, продолжая тянуть Андрюшу за руку.

Но он замотал головой и не сдвинулся с места. Он во все глаза смотрел на паровоз.

Он был весь черный, масляный, шипел и сипел, как сковородка, когда на нее льют гесто.

У паровоза было много всяких трубок. Сверху над ним бил прямой и тугой пар. Внизу этот же пар выходил лениво, лохмато. Вместе с ним с клекотом струилась на землю горячая вода.

У паровоза были разные колеса — большие, с красными половинками, и маленькие, над которыми зачем — то лежал рельс.

Андрюше захотелось, чтобы паровоз сейчас же уехал. Он даже закрыл глаза, но паровоз все так же звонко шикал и пыхтел, сплевывая. И продолжал стоять.

— Вот это за кабиной — тендер,— сказала мать,— там лежит уголь. Кочегар бросает его в топку, и паровоз идет.

«Но почему он стоит?» — снова подумал Андрюша. Он перевел глаза с паровоза на машиниста. Тот спал. Ему не было никакого дела ни до них, ни до паровоза,

«А вдруг, пока он спит, паровоз тронется с места и будет все время ехать и ехать, шикать и гудеть? И будут крутиться железные колеса с красными половинками. И никому его не остановить».

И Андрюше вдруг стало страшно и, выдернув руку, он опрометью кинулся прочь от паровоза.

— Куда ты! — вскрикнула удивленно мать.

Он бросился вниз по откосу, упал, продолжая катиться вниз.

Мать подняла его, отряхивая от пыли, целуя в затылок.

— Ну что ты, глупый!

А он плакал навзрыд.

— Ну что ты! Посмотри же: он стоит.

Она упорно хотела повернуть сына в сторону паровоза, но мальчик хотя и перестал плакать, но не отрывал кулачков от глаз и упрямо повторял:

— Не хочу! Не хочу!

«Перед раскрытым окном красивого дома.»

С дома сорвали крышу, и он стоит теперь растерянно, как человек с повинной. Сноровистые рабочие охотно, даже с какой-то радостью спешно отрывают крашенные охристые доски.

Боюсь, что, придя завтра, я уже не обнаружу этого дома: так споро работают мужчины.

Мимо меня по узкой тропинке проходит цепочка молчаливых людей. Непокрытые головы, фотоаппараты на шее, одежда выдают в них иностранцев. Маленькая женщина с непомерно большой головой из-за высокой прически и просторного клетчатого платка останавливает туристов и устало, на грамотном немецком языке говорит им, что сейчас все они находятся на замечательном месте, которое благодаря таланту великого Тургенева стало известно каждому культурному человеку в мире: Дворянское гнездо.

—О-о-о,— понятливо кивают иностранцы,— Тургенев!.. Дворянское гнездо!.. Но лица их постны.

Гид обращает внимание гостей на панораму города, и те охотно щелкают аппаратами, спеша запечатлеть на пленку прямоугольники домов, поднимающиеся ступенями вверх, зимнюю реку, голые ветлы, черных лошадей, натужно вытаскивающих на берег сизоватые глыбы льда.

— Раньше,— Поясняет маленькая женщина,— здесь до самого горизонта тянулись заливные луга и лошадям было настоящее раздолье.

Немцы понимающе кивают, оценивая оглядываясь кругом. Какой простор. Один из них, крупнолицый, староватый, в больших очках, что-то спрашивает у гида, то и дело поворачивая свою красивую лысеющую голову в сторону дома, где стучат ломami рабочие и откуда женщина в солдатском бушлате торопливо тащит бревно.

Гид что-то вполголоса объясняет прибившемуся к ней немцу, продвигаясь вдоль обрыва, вдоль Дворянского гнезда.

Редкий день проходит без того, чтобы здесь не толклись иностранцы. Вот так же во все стороны щелкают аппаратами, снимают заодно и этот старый дом, который так радостно рушат теперь рабочие.

Потоптавшись под ветром на мартовском снегу, иностранцы, не оглядываясь, спешат к своему длинному интуристскому автобусу, который ждет их на углу улицы, а я продвигаюсь ближе к дому, ступая в чужие следы. На свежем снегу четкий отпечаток отличных импортных подошв. Чьи-то рубчатые башмаки разогнались было к дому, но остановились на полдороге, у ограды.

Я обхожу дом вдоль изгороди, за которой стоят черные влажные липы.

Дом просторный, высокий. Три старых полукруглых окна с левого, выдвинувшегося вперед крыла, три квадратных окна в глубине, посередине. За квадратными окнами когда-то была гостиная и у правого углового окна сидела за пальцами дворянская девушка Лиза Калитина, С этих окон не спускал глаз счастливец Лаврецкий, стоя в ночном саду, ожидая чуда, веря в него. И вот в одном из окон появился свет. Он перешел в другое окно, в третье. Кто-то шел по ночному дому со свечой. «Неужели Лиза? Не может быть!..»

Лаврецкий приподнялся... Мелькнул знакомый облик, и в гостиной появилась Лиза. В белом платье, с нерасплетенными косами по плечам, она тихонько подошла к столу, нагнулась над ним, поставила свечку и чего-то искала; потом, обернувшись лицом к саду, она приблизилась к раскрытой двери и, вся белая, легкая, стройная, остановилась на пороге...»

Тургенев. Дворянское гнездо. Трепетная девушка Лиза Калитина. Старый косматый музыкант Лемм... «Все это было, было, было. Свершился дней

круговорот». И, как бы убеждая в реальности происшедшего когда-то, стоял над обрывом этот старый красивый дом. Стоял пустынно, малиново горя на закате стеклами больших окон. В этом доме давно уже не жили. В последние годы были здесь какие-то кладовые, и когда начали ломать старый дом, то по чистому снегу разбежались крысы...

Ломают дом, кричат стены, сыплется труха, тянет холодной сажей древнего жилья.

— Эй, рот разинул. Отойти!

В двух шагах от меня глухо падает в снег бревно...

Старые шрамы

В, Тютюнникову

— Что это у тебя?

— Шрамы, как видишь!

— Ух ты, шершавые! — удивляется Женя, трогая шрамы. Их три. Кожа на них стянута.

Они розовато-фиолетовыми длинными бороздками бегут по левому плечу вниз почти до самого локтя.

— Они у тебя навсегда?

— Должно быть, — отзывается дядя Костя, огребая себя со всех сторон теплым песком.

Женя тоже зарывается в песок. Он закупался. Подбородок посинел и подрагивает. Бока часто-часто ходят.

— А тебе не больно? — спрашивает Женя. Капли с подбородка падают на песок, оставляя лунки.

— Нет, старичок, не больно.

Хин, — ухмыляется Женя. Насмешник дядя Костик. То мать с отцом стариками зовет,

то его. Но Женя не обижается. Он даже не против, если бы дядя Костик у них на всю зиму остался, или навсегда. Он бы ему свою кровать уступил и большую подушку. Только ведь дядя Костик снова к себе на Донбасс уедет. Сейчас, когда дядя Костя с ним, Грищенко с Коржевским его стороной обходят, а потом опять задирать начнут.

Женя вздыхает и чешет глаз.

— Что, старик, война вспомнилась?

Дядя Костик проводит по ребрам Жени,

как по клавишам. Женя, закрыв глаза, хохочет.

— Ну вот же. Что тут смешного. Я с ним серьезно, как солдат с солдатом. Рядовой Си — ницын, отставить смешочки!

Но Женя заливается. Он и сам не знает, с чего его разобрало. Смешно и все. А тут еще хохолок торчит на затылке у дяди Костика. Видал бы он себя!

Дядя Костик садится, порывшись в песке, отыскивает гладыш и, прищурившись, пускает его по речке. Гладыш со свистом пролетает над лозняком и шлепается в воду,

Не так! Не так!

Женя проворно вскакивает.

— Гляди.

Он размахивается и пускает гладыш по реке,

—Считай! Раз, два, три, четыре... Видал!

Гладыш в последний раз всплескивает у
противоположного берега — желтого, отвесного, изрытого пещерками
ласточек — береговушек.

Вот это да! Это я понимаю,— восхищается дядя Костя. — Тут уж ничего
не скажешь. Наши парни не зря доверяли тебе. Глаз никогда тебе не
изменял. В этом уж мы с ребятами убедились на Лысой горе. Как ты их там.
Тах... дых... тах.

Ну хватит, дядя Костик...

Что, забыл?

«Вот ведь какой выдумщик»,— думает Женя.

—Да, брат, было дело.

Дядя Костик что — то насвистывает, ковыряя песок.

— Женька,— говорит вдруг он,— а не помнишь ли ты Васю из Таганрога?
Вася—Василек? Ну что нас гитарой веселил. Хороший парень был. Как
говорится, пухом ему земля. А Ваню Зайцева. Тоже не помнишь? Эх ты, солдат!
Хотя времени, времени — то сколько прошло. Двадцать лет! Шутка ли...

Женя пытается возразить, что он ни Васю—Василька из Таганрога, ни
Ваню Зайцева не знает. Ему ведь только восемь. Даже отец его не воевал, не то
что он.

Дядя Костик при этих словах смотрит на Женю как — то недоверчиво. Что
ты, мол, сказки мне рассказываешь?

Быть может, будешь доказывать, что не ты меня в медсанбат на себе
тащил? —

спрашивает строго дядя Костик.

Но ведь так не бывает,—протестует Женя.— Меня же тогда совсем
еще не было.

Все бывает, старичок. Просто, наша память такой уж несовершенный
инструмент.

Забываешь порой, что говоришь, что делаешь. Разве не так?

«Это так,— соглашается про себя Женя, все еще недоверчиво поглядывая
на дядьку—насмешника. Вот его, к примеру, вызвали к доске стихотворение
прочитать. Пять раз дома повторил, а вышел — забыл. Марина Ильинична
двойку поставила, он сразу и вспомнил. Да там и запоминать — то нечего: «Вся
степь — колхозный ток, скирды, скирды вокруг — на север, на восток, на запад
и на юг. От неба до земли стоит железный гуд. И тракторы вдали, как танки бой
ведут...» Это правда, что можно забыть.

А ты знаешь, Женька, мы с тобой уже жили. Да! Ведь это враки, что
умираем навсегда. Ты ведь не веришь в смерть, правда?

Правда,— соглашается Женя.

Ему вдруг становится страшно. Ему всегда страшно, когда говорят о
смерти.

И я уже жил? — спрашивает Женя, и все в нем холодеет.

Конечно. И ты, и я. И снова будем жить. Как вот это небо, как
деревья. Понимаешь?

Ух, здорово! — говорит радостно Женя, чувствуя, как из желудка разом
уходит холод.

Он никогда раньше не слышал об этом. Он думал, что умирают навсегда,
как соседский Иван Иванович. Отвезли на кладбище и больше не видать. Только
фотокарточка на стене. В очках и с бородкой. Так, значит, и Иван
Иванович снова еще будет? И Джульбарс, который под машину попал? Может,
дядя Костик
смеется над ним?

Женя смотрит на дядьку, но глаза у того совсем серьезные.

— Да, брат. Так ты не удивляйся, что про войну забыл. Про нее тебе и не с кем вспомнить, как только со мной. Нога — то как твоя? — спрашивает неожиданно дядя Костик, трогая колено. — Сильно ушибло тебя тогда!

Когда? — спрашивает с тревогой Женя.

Когда мы с тобой от сопки выбирались.

От какой сопки?

Известное дело: от Лысой! Под Кандалакшей была такая. У этой самой Лысой сопки, или там горы, и стоял наш с тобой минометный расчет. Я, ты (Женя нетерпеливо заерзал на песке), Ваня Заяц и Вася — Василек. В таком составе и лежали мы вокруг своего оружия. Васю и Ваню убило. Потом и меня шлепнуло. Но уже под Кенигсбергом.

А меня? — спрашивает с тревогой Женя.

Ну, тебя уже на другом фронте. Кажется, на Дунае. Кто — то из дружков мне даже

написал тогда: так мол и так, твой дорогой племянник пал смертью храбрых.

Женя громко потянул носом воздух и сжал кулаки.

— А меня сразу убило?

Вот этого, дорогой, не знаю.

Женя снова громко дернул носом.

А мама не знала ничего?

— Может, и не знала. Как почта тогда работала! Бойца давно уже и в живых нет, а письма ему все идут и идут. Дело известное — война...

Дядя Костик лег на спину, подложив ладони под голову. Женя тоже так лег. Животу стало хорошо. Женя смотрел в небо. Там плыли маленькие облака.

— Вот такая же тишь стояла тогда, — сказал дядя Костик. — Только с той разницей, что сейчас жара, а тогда мороз жег. За тридцать градусов. Слышно было даже, как звезды шуршат.

Дядя Костик повернулся на бок, разгреб ладонями песок, обдул щечку, найденную тут же.

Вот здесь стоял наш расчет, — он чиркнул щечкой раз, — а вот тут, — он дважды

чиркнул щечкой, — их линия. Впереди — поле, позади, — сопка. Как начнут с утра, так до вечера: все бьют и бьют. Все пугали нас.

Ну, а мы привыкли уже.

А мы стреляли по ним?

Еще как! Мы там столько понаделали!

А тебя наградили чем —нибудь?

Ишь, спорый какой! — говорит дядя Костик, отряхая со щепки налипший песок.

Тебя там ранило, да?

Там. Ты как раз куда — то отлучился, а меня той минутой и ранило, и контузило сразу.

Очнулся, зову — никого. И темень адская. Думаю: может, глаза потерял? И от страха еще сильнее ору.

А я где был?

А кто тебя знает. Может, к ребятам в соседний взвод за табачком бегал.

Не, я не курю! — возражает Женя.

Да не для себя. Для дядьки, может быть. Так вот, лежу и кричу на всю округу.

А они на мой голос еще хлеще заработали. Ну, думаю, крышка, братец. А тут как раз ты объявился. «Живой?» — кричишь. А у меня уж и сил нет ответить. Видишь ты такое дело — распорол свою гимнастерку, обмотал раненого бойца, взвалил на себя — и к своим. Ты настоящим товарищем был. Друга в беде не бросал. Не знаю, как сейчас...

Женя хотел было ответить, что он и сейчас такой, но тут услышал, как над головой начал кружить овод.

— Пошел отсюда. Ну! — Женя вскочил, замахал руками. :

Овод отпрянул в сторону и там, над кустарником, продолжал недовольно гудеть, обдумывая что — то.

Так вот, слушай дальше. Или не интересно?

Нет, нет, рассказывай, — отозвался Женя.

Взвалил ты меня — и к своим. До них и не так далеко, да плохо добираться. На

виду все. Немцы «заботились» о нас: подсвечивали, боялись, как бы мы в темноте не заблудились. Я кричу тебе: «Брось меня, сам добираться!» А тут как раз снаряд рядом угодил. И ты упал, ногу обхватил.

Овод снова подлетел и повис над головой Жени.

Ну, пошел ты! — закричал, вскочив Женя.

Скажи, какой нахальный! — сказал восхищенно дядя Костик, поворачиваясь на бок и с любопытством следя за поединком Жени и овода.

На тебе, на! — Женя размахивал над головой майкой. Он задел овода и тот глухо

шлепнулся на песок, но не успел Женя набежать, чтобы растоптать его, как овод поднялся и резко ушел в сторону.

Теперь не придет, — уверенно сказал дядя Костик.

Ух ты, — вздохнул облегченно Женя, садясь рядом с дядькой.

А когда меня в ногу ранило, что я сказал?

А ты ничего не сказал. Промолчал, как настоящий мужчина, только губы закусил.

Вот, передохнули мы с тобой и дальше поползли. Как сейчас помню, я тебе говорю: «Оставь меня, Коля».

Почему Коля? — удивился Женя.

Ах да, — спохватился дядя Костик, — но ведь тогда, до первой смерти, у нас другие

имена были. Ты был, Коля, а я — Степа.

И фамилии у нас были другие, да?

Нет, фамилии эти же самые. А то как бы мы нашли друг друга?

Дядя Костик, а ты Ваню Зайца и Васю — Василька еще не нашел, как их убили?

Пока нет, — сказал дядя Костик, зарывая поглубже в песок папиросу. — Во все

адресные столы запросы сделал. Пока ни ответа, ни привета. Думаю, еще через газету. Должен найти! Тебя вот нашел. Двадцать лет искал, а нашел. Кто хочет, тот всегда найдет, старичок. Было бы желание.

А что я ответил, когда ты попросил бросить тебя?

— Да ты и слушать не стал. «Молчи!» — говоришь мне, а сам ползешь, а они ракеты поразвесили, как на карнавале. И то и дело: пах, трах. Ну мы с тобой дадим им потешиться и дальше потихоньку, помаленьку. Так до своих и добрались. А там меня перевязали, в брезентовую лодку уложили и на собаках дальше в медсанбат.

А у миномета кто же остался, когда мы с тобой ушли? — заволновался Женя.

А к миномету ты вернулся. Попробовали было тебя отговорить: нога ушиблена, подлечить нужно, да ты ни в какую.

«Эх, услышал бы Грищенков с Коржевским, — подумал Женя, — сразу бы перестали задираться».

Потом в газете я читал, как ты там сражался, да и ребята, что в госпитале рядом лежали, много о тебе говорили. А мне, представляешь, какая радость! Не так лекарство и доктора лечат, как добрые вести. Вскоре и я из госпиталя встал. Неудобно все же перед племянником. И пошел дальше воевать. Тут я тебя и потерял из вида. — Дядя Костик вздохнул: — Ты ведь знаешь, каково без друга.

Знаю, — соглашается Женя.

Дядя Костик, а медали нам с тобой дали?

Чего нет, старичок, того нет. Сам понимаешь: все бои да бои. В спешке и забыли про нас.

— А может, не успели вручить? — спрашивает с надеждой Женя.

Тоже вполне может быть, — соглашается дядя Костик. — Потом смотришь в газете:

«Спустя четверть века награда нашла героя». Бывает!..

Дядя Костик хлопает Женю по спине:

— Но если и не найдут нас с тобой медали — не огорчайся. Ради них разве воевали?..

Пойдем — ка купаться!

— Пойдем! — радостно соглашается Женя. Он вскакивает и, разбрасывая ногами песок, несется к реке, озираясь: как бы не обогнал его дядька!